

3.

ПОЛОСКАНИЕ БЕЛЬЯ: СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Одним из наиболее значимых открытий XX века, существенно изменившим концептуальный уровень современной гуманитарной науки, стало различие человека говорящего и человека действующего. Говорение и действие могут быть представлены как самостоятельные информационные массивы, обладающие «перекрестными ссылками», но не организованными в цепь причин и следствий. Воспроизводимые на значимых отрезках времени коллективные практики говорения и «деланья» обладают самостоятельными внутренними основаниями, которые в них вмонтированы. Не все, что мы говорим, мы делаем, и сам факт того, что мы не делаем так, как говорим, ускользает от нас. И наоборот, не все из того, что мы делаем, открыто для выговаривания, и не потому, что утаивается, а потому что неразлично для слов. Приведу пример. Мы знаем, что «уговор дороже денег», из практики детского говорения, наше нравственное чувство говорит о том же («да будет да — да, нет — нет, все остальное — от лукавого»): чувство справедливости связано с верностью слову. Но на уровне российской общественной практики (бизнеса, политики, государства) следование договору, удержание договорных обязательств оказывается одной из почти невыполнимых задач. Существовал советский двойной стандарт поведения: быть пионером и комсомольцем, изображать лояльность, но не верить в это. Вмонтированное в практику лицемерие сделало договор очень трудной для российского человека поведенческой проблемой. Договор действует между равными и независимыми. Другая форма единения, более нам понятная — свойство,

родство и дружество, иначе круговая порука (принято называть подобное действие солидарностью), — действует только между «своими». Для подобных отношений есть еще и «чужие», за которыми право на договор не признается. Эти другие никогда не равны: они или выше («начальство») или ниже («быдло»). Каждый советский школьник из фильмов про войну знал, что фашисты напали на нашу страну «вероломно» (голос Левитана — сообщение о войне). Но о том, что означает слово «вероломство» (а оно означает нарушение договора), мы не знали. Это слово выпало из активного русского словаря³⁹.

Внутренние основания, с одной стороны, обеспечивают существование практик во времени, и, с другой стороны, сами основания транслируются и осваиваются посредством этих практик. Как отмечал Гарфинкель, «нравственный закон воплощен в упорядоченных по некоторым правилам действиях повседневной жизни. Члены общества сталкиваются с ним и знают о нем как об обычном по их ощущению ходе действий: в знакомых картинах ежедневных дел, в ходе повседневной жизни, который знаком им, как и всем остальным, и воспринимается как нечто само собой разумеющееся»⁴⁰.

Существование внутреннего основания, или, как назвал его Гарольд Гарфинкель, нравственного закона в качестве условия «нормального» течения жизни обнаруживается в том, что для членов общества «привычные дела не просто обходят вполне определенным образом, но обходят они правильно или неправильно»⁴¹.

С заданной выше точки зрения рассмотрим одну из обыденных практик, которую мне приходилось наблюдать в течение многих лет в Вологодской области (Белозерский край), — полоскание белья. Сама практика повсеместна: полоскание — один из обязательных этапов стирки в тех культурах, где стирка одежды вообще осуществляется. Или, скажем иначе, в тех культурах, где идея превращения нечистого в чистое манифестирована

12

посредством чистки и стирки одежды⁴². Как, где и кем осуществляется эта обыденная практика, какие внутренние основания она транслирует — эти вопросы нам и предстоит обсудить.

Полоскание белья на озере или реке — зрелище для русского глаза достаточно привычное. По этой причине я долгое время не могла увидеть его смысловых оснований.

Предположение о том, что эта практика нагружена целым набором интенций, возникло в результате ряда рассказов и наблюдений, которые случались в течение двадцати лет полевых исследований в Белозерском крае. Сложную связь между собственными наблюдениями и услышанными рассказами я заметила лишь несколько лет назад, когда во время фольклорной экспедиции мы несколько недель жили в городе Кириллове. В летний субботний день вдоль протока, соединяющего

На странице 55

12 Семейное полоскание. (Кириллов, Вологодская область). Фото С.Б. Адоньевой

⁴² Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000.

³⁹ Так, судя по материалам Национального корпуса русского языка, частотность употребления следующая: 4 — в устной речи, 114 — в речи письменной. Для сравнения: слово «обман» дает более 5000 употреблений. (<http://www.ruscorpora.ru>).

⁴⁰ Garfinkel G. *Studies in Ethnomethodology*. New Jersey, 1967. Chapter 2. P. 35—75. Цит. по Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. М., 2002 № 1. С. 43.

⁴¹ Там же.

два озера, на одном из которых стоит Кирилло-Белозерский монастырь, выстроился ряд автомобилей (от старого «москвича» до «мерседеса»). Из багажника «мерседеса» мужчина доставал корзину со стиранным бельем, молодая женщина стояла с шестом, готовая приступить к полосканию. Другие пары уже были на мостках. Женщины полоскали белье, зацепив его палкой, мужчины помогали его отжимать и складывать.

Эта жанровая сценка выбивалась из привычного фрейма повседневной жизни рядом несообразностей. С точки зрения здравого смысла не было никакой необходимости в том, чтобы на машине возить белье полоскать на реку. В Кириллове у многих есть водопровод, а у человека, имеющего дорогой автомобиль, он есть скорее всего. А если все-таки водопровод в доме отсутствует, то есть насос, который качает воду из колонки. Почему так сложно и затратно было организовано простое будничное действие? Зачем и кому нужны такие усилия?

Жители Кириллова, когда я задавала этот вопрос, объясняли этот обычай полоскания тем, что вода в реке лучше, чем водопроводная. Здесь вполне уместно было бы вспомнить о символической «нечистоте» выстиранного с мылом белья и, напротив, особой чистоте проточной воды: «Если мылом выстирано белье, его следует выполоскать в проточной воде, иначе оно будет “нечистым”»⁴³. Факт, отмеченный Д.К. Зелениным, подтверждают современные фольклорные записи, свидетельствующие о сохранении связи между магической нечистотой (внутреннее основание) и бельем (практика). Женщина, повествуя о посмертных хождениях покойника в свой дом, рассказала о белье «коромысле», которое используется в этих случаях в качестве оберега:

— А я, дак, сказала: закрывай двери, клади платяное коромысло, белье которым полощешь. Это уже считается нечистая палочка, она хотя и чистая, но фактически-то... Ну, длинна палочка прямая... Вот слушай. Это было дело так, что Пети сватья жила с нами вместе, она мне рассказывала: вот, Шура, что-то к одной женщине ходил мужчина, мертвый, покойный, свой. Вот она, говорит, все вот так мучалась. А потом одна, говорит, бабушка, ей научила: «Ложи, говорит, в двери, ну, как называется, поганое коромысло, оно нечисто, белье дак, палочка-то и чистая, ну, по закону-то оно, считается, белье стирают, полощут, дак нечистое.

— А коромысло, с которым по воду ходят?

— Чистое. Вот. Клади, говорит, в двери, там какие крючки ли, че ли... как засов, вот это самое

коромысло бельевое /показывает/.
Ну, говорит, что перестал (ходить). (ФА
СПбГУ, Бел19–212).

Но мне представляется, что этого этнографического объяснения недостаточно для того, чтобы разобраться в содержании и функциях этой традиции. Декларация сакральной чистоты или нечистоты скорее служит толкованием практики, но не определяющим ее сохранение психологическим основанием.

Один из достаточно очевидных резонансов сохранения этой трудоемкой бытовой практики — внутрисемейные «социальные игры». Сложность практики полоскания поддерживается принуждением, которое, в свою очередь, обеспечивает иерархию семьи. Каждое поколение большух (старших женщин в семье), пользуясь правом определять, что и как следует делать, может прибегать и к этому императиву в своих властных целях. Молодые семьи — сыновья и невестки — призываются к воспроизведению традиционной практики посредством «гигиенического» требования: стирание белья должно быть промыто проточной водой. Младшая семья — отделившаяся в отдельное хозяйство и тем более та, которая продолжает жить с родителями мужа или жены — воспроизводит традиционную практику старших, демонстрируя свое послушание. Обычай полоскания — лишь один из многих инструментов поддержания внутрисемейной межпоколенческой иерархии.

Нарушение символического порядка я ощущала также и в том, что наблюдаемое полоскание белья представляло собой совместное действие женщины и мужчины, жены и мужа. Этот обычай противоречит принятому в русской традиции гендерному распределению домашних функций: до сегодняшнего дня стирка и полоскание белья входят в набор женских работ, как в деревне, так и в городе. Реклама тому свидетель. Нет ни одного российского рекламного

⁴³ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 280.

13

сюжета, где проблемами стирки был бы озабочен мужчина: ищет и находит нужные стиральные порошки, заботится об эффективности работы стиральной машины, стремится к белизне белья и выведению пятен женщина. Мужчины покупают стиральные машины или осуществляют их ремонт.

Полоскание на реке — устойчивый мотив русского бытового пейзажа. На картине Ф.Я. Алексеева — одного из родоначальников русской традиции городского пейзажа — «вид Казанского собора в Петербурге» (1811) мы видим женщин, полощущих белье на спуске⁴⁴, или, например, картина В. Серова «Полоскание белья (на речке)» (1901)⁴⁵. Во всех изображенных сюжетах полощут женщины.

Гендерная спецификация стирки проявляется в использовании этой практики в ритуальных травестициях. М.М. Громыко, описывая сибирскую масленичную традицию, упоминает это действие в ряду других женских практик, пародируемых мужчинами во время масленичных увеселений: на санях масленичного поезда находится «мялка, которой обыкновенно мнут куделю; ею здесь мужики мнут солому. Кроме того, здесь находится корыто, в котором мужики же стирают белье, и ступа, в которой они пестом толкут уголья»⁴⁶.

Для того чтобы понять смысл современной иконографии сюжета полоскания на реке (таких фотографий в Сети сотни), я просмотрела его обсуждение в блогах:

«А вот и белье полощут в речке. На палку с крючком цепляют белье и полощут в воде. Вода быстрая и чистая. Вытегорский р-н, д. Белый ручей»⁴⁷.

Колода в городе Макарьеве: «Это сооружение называют “колода”, сюда местные жители приходят полоскать белье. Таких колод в городе несколько, но большинство из них находятся в плачевном состоянии. 2007 г.»⁴⁸.

В Каргополе: «Вообще город стоит на ручьях. Их безумное количество, и все, понятное дело, впадают в Онегу. На одном из таких ручьев стоит вот такой домик. Это стиральня! Там внутри оборудованные для полоскания белья места. И они используются, мы видели женщину и парня, стиравших в них»⁴⁹.

Подобные фотографии неизменно вызывают приступ умиления комментаторов. Я приведу два примера, хотя их значительно больше: этот сюжет — один из излюбленных у фотографов, снимающих российскую провинцию⁵⁰.

Комментарии к фото, на котором река и фигуры на мостках:

- Там белье в реке полощут? Чистая, значит, река! А нравы патриархальные :)))
- Понравилась, родную Елабугу вспомнил. На берегу жили, похожий вид.

⁴⁴ http://www.virtualm.spb.ru/resources/vemisages/d_14

⁴⁵ <http://tanais.info/art/en/pic/serov39.html>

⁴⁶ Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 103.

⁴⁷ <http://forum.say7.info/topic925-1275.html>

⁴⁸ http://www.oldtowns.ru/mak_photo1.shtml

⁴⁹ <http://katyako.gallery.ru/watch?ph=eTK-bc0T8>

На странице 60

13 Молодая женщина полощет белье шестом (Вологодская область). Фото Э. Уорнер

Комментарии к фотографии, на которой изображена пожилая женщина с бельем в тазу, стоящая на фоне реки:

- М-да... Снято 31 октября... Вон руки какие красные..
- Вс умеют наши бабушки да мамы... Бедные наши женщины...
- Дай Бог им здоровья и долголетия!
- Машинка-автомат:()
- И уж некому, видимо, мосток-то сколотить... Печально!
- У меня другой вопрос. Где же еще такая вода чистая, что белье полоскают?!
- Провинциальная Беларусь!
- Да-а-а-а... Радует, что хоть там есть:) Картинка прямо из детства, когда я с тетей в Коломне на реку ходила... Она полоскала, а я рядышком (мне не давала, жалела)...
- И белье ЧИСТОЕ!
- Эх! Противоречивые чувства раздрают.

К фотографиям с этим сюжетом примыкают комментарии: «как 1000 лет назад». Или: «...бредем на берег Онеги. Здесь местная достопримечательность, которая работает без выходных. Над водой выстроены деревянные сарайчики, в полу которого сделаны специальные вырезы, огороженные поручнями. В этих дырках каргополочки полощут белье. На дворе начало XXI века...»⁵¹

Любопытно, что последнее замечание, о каргополочках, сделано по поводу фотографии, на которой изображены мужчины и женщины, вместе полощущие белье. Привычка рассказчика так думать, не дает ему возможности увидеть то, что он видит.

Представленные в Сети видеоряд и комментарии к нему позволяют констатировать три обстоятельства: во-первых, традиция полоскания белья на реке имеет достаточно широкую географию (российский Северо-Запад, центр России — Тверская, Нижегородская области, Урал); во-вторых, практика мыслится корреспондентами и блогерами как женская; в-третьих, как демонстрируют сами фотографии, она отнюдь не всегда сугубо женская.

Наши друзья, супружеская пара с детьми, переехали в Кириллов несколько лет назад. Как рассказывал отец семейства, их первый совместный выход на озеро с бельем — действие, которого они до переселения в Кириллов не совершали, был значим для них обоим. Они чувствовали, что делали нечто ожидаемое от них местными жителями. Полоща вместе белье, они проявляли свою лояльность по отношению к традициям ло-

кального сообщества. Муж сам изготовил для жены бельевой шест — кичигу⁵².

Подробные объяснения этой практике были даны нашей коллегой Ириной Геннадьевной Щукиной, научным сотрудником Кирилло-Белозерского музея. Когда мы проводили полевые исследования в Белозерском районе, мы ежегодно останавливались в одном и том же доме, стоящем на берегу Белого озера. Мы вместе с ней наблюдали с крыльца привычную картину семейного полоскания белья: несколько пожилых пар на берегу возились с бельем. Женщины полоскали, нацепляя белье на шест, мужчины отжимали и складывали. Ирина Геннадьевна обратила наше внимание на одну молодую пару, полоскавшую белье в озере, и рассказала о том, как выходят на полоскание молодые пары. Первый совместный выход молодых супругов является предметом общего внимания горожан. Жена шествует с шестом, муж — с санками (зимой) или каким-то другим средством транспортировки — детской коляской, велосипедом и пр. летом.

Как можно судить по белозерским и кирилловским интервью, эта совместная работа супругов представляет собой один из обязательных семейных ритуалов, входящих в набор действий, представляющих мужчине и женщине перед обществом как супружескую пару. Практика полоскания работает, с одной стороны, на подтверждение прочности брака, с другой — на демонстрацию этой прочности. Согласие мужа на публичное участие в «женской» работе — акт публичного признания мужчины в том, что он, заботясь о своей жене и помогая ей, готов нанести урон общей мужской «чести». Ради своей жены он готов понизить свой мужской статус, выполняя «женскую» работу. Для мужа это публичный акт демонстрации своих жизненных приоритетов и акт публичного признания своей любви к жене. Для жены это одна из немногих практик публичного супружеского признания. Тема супружества

⁵⁰ В этом легко убедиться, просто набрав «полоскание белья» в поисковой системе.

⁵¹ <http://caput.narod.ru/put020803.htm>

⁵² КИЧИГА ж. арх. молотило, заменяющее цеп: выгнутая, сручная палка, с плосковатым концом, особ. для сбою колокольца со льна. || Клюка, кочерга; || шуточн. гарнизонный солдат. || Новг. пральник, портомойный валец, палица новг. палка вологодск. валька пск. лапта тул. Гнуть кому кичигу, пригибать голову к ногам, к коленям // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. Спб., М.: 1881. Т. 2. С. 112

Битая
фотография
перезащлите
ее пожалуйста
еще раз

14

15

в символическом подтексте этой практики очень важна, полоскание — совместное действие супругов. Когда женщина выходит полоскать одна или с детьми — это значит, что она вдова, или солдатка, или «брошена» и т. д.

Выход с бельем, таким образом, — символическая артикуляция счастливого супружества или, напротив — расстройств семьи, вдовства или одиночества. А поскольку белье нужно полоскать в любом случае, выполнение этого действия становится невольным чистосердечным публичным высказыванием на тему межличностных отношений внутри семьи, на уровне речи обсуждаемую очень редко и сугубо приватно. Адресаты для такого высказывания всегда находятся: здесь начинает работать многократно отмеченная особенность провинциальной жизни — фантастическая внимательность к соседским мелочам. Соседи непременно заметят, что некая Марья Ивановна Иванова полощет одна, значит, не все так хорошо в семействе Ивановых, как они изображают.

На странице 62

14 Пожилая женщина
полощет белье (Архангельская
область). Фото Э. Уорнер

На странице 63

15 Семейное полоскание белья
зимой (Кириллов, Вологодская
область). Фото И.С. Веселовой

16

Будет рассмотрен и обсужден с точки зрения его семейного статуса или интимных связей некий Петр Петрович, сам для себя стирающий.

Итак, перед нами сложная семиотическая конструкция, знак.

Внешняя форма знака (его «означающее») такова: участники — супруги и зрители, место и время действия — берег водоема или прорубь, выходной день, атрибуты — бельевая корзина из луба, шест, «бельевое коромысло» или «кичига», а также средство для транспортировки белья.

Традиционная семантика определена представлением о магической чистоте проточной воды. Прагма-

тика этого действия как символического акта связана, с одной стороны, с поддержанием внутрисемейной иерархии за счет трансмиссии традиционных обыденных правил, с другой стороны, — с тактикой презентации семьи как супружеской пары.

Можно было бы и удовлетвориться этим толкованием, если бы не одно обстоятельство. На той же территории — в Белозерье — существует другая (как в техническом, так и в символическом смысле) практика полоскания белья. Белье толкут в ступе. Впервые я с такой практикой столкнулась в Георгиевском сельсовете Белозерского района, когда на лесном глубоком озере увидела детей, плавающих на такой бельевой ступе. Это выдолбленная из цельного куска дерева (обычно корня) емкость с прибитой к ней доской или оставленным крупным корнем. Они нужны для того, чтобы в момент толчения белья удерживать ступу в одном положении, прижимая выступающую часть ног. Общественная ступа была обязательным атрибутом общественных же мостков у водоема.

Ниже я привожу снабженное комментариями исследователей интервью, записанное И.С. Веселовой и М.О. Муратовой в 2000 году в деревне Ухтома Вашкинского района. Эта большая деревня находится в 50 километрах на северо-восток от Белозерска и на таком же расстоянии на север от Кириллова:

- Так у нас все время толкут. Вот мы еще дома жили (в Роксоме, тот же Вашкинский район. — С.А.), дак у нас было два коромысла. Вот такая ступа, как и здесь. Да, в руке — палка и в другой, дак, вот так вот и толкешь белье. А здесь так с одной палкой ходишь.
- То есть вы палку с собой носите. А ступы общие?
- Ступы общие, а палка у каждого своя. Как идет кто полоскать, палку несет свою.
- Кто делает эти ступы?
- Кого порядят на сельсовете. Сельсовет дает деньги и уплотят дак. А тут один раз дак Саша делал, дак с рук собирали. Таня вон, продавец, собирала.
- Ступа-то небольшая, как, понемножку кладете?
- Да, маленькая, много не накладешь. Которая побольше, побольше и складешь.
- Когда белье полощете, а мимо кто-нибудь идет, что-нибудь говорят?
- Да, и... На пароме-то когда соберешься, дак рот ведь не зашит. Кто любит поговорить, дак и поговорят.
- А эта штука паром называется, на которой ступа стоит?

На странице 64

16 Вдова полощет белье
(Вологодская область).
Фото С.Б. Адоньевой

- Да, паром.
- А его кто строит? Тоже общий?
- Да тоже поряженные. Тоже деньги собирали, по десятке.

Паром — небольшие квадратные мостки с перилами около лодочных сараев, на которых стоят две ступы — выдолбленные в бревне достаточно большого диаметра емкости на цельной подставке. Сам паром — действительно приятное место для времяпрепровождения: посидеть, полежать на солнышке, посмотреть на воду, поговорить. Впрочем, по словам членов экспедиции, их праздное лежание и купание на пароме было осуждено местным жителем и аргументировано тем, что «тут воду берут, а вы купаетесь». Купаться также не разрешается в том месте, где берут воду — около старого моста через реку Ухтомку. В деревне Ухтома питьевую воду берут из реки⁵³, а техническую — из колодцев.

В традиции Ухтомы практика полоскания также имеет символические функции, но они иные: она формирует группу местных большух (хозяйек). Именно они собираются на мостках, каждая со своим выстиранным бельем, в ожидании освобождения ступы. Доступ к ступе, а следовательно, и к организованному вокруг нее сообществу, обеспечен участием в складчине, совершенной для ее изготовления. Символический порядок этой практики очевиден. Примитивность конструкции и мостков, и ступы в принципе делает возможным иметь этот необходимый бытовой набор каждому домохозяйству. Но нет, в складчине принимают участие именно большухи, не привлекая к этому делу своих мужей. «Толчет воду в ступе» только та, которая имеет на это законное право дольщицы.

Как можно заметить, посредством одной и той же повседневной деятельности на одной территории орга-

низованы практики демонстрации тождества (идентичности), но — разные. В первом случае — супружеской пары, во втором — группы большух.

Один и тот же семантический предикат — полоскать белье — представлен в разных пластических формах: шест, корзина, мостки. Или — колода/ступы, пестушка, паром. Обратим внимание и на еще один факт: в Белозерье колодой называют ступу, в Каргополье колодой называют совершенно иное, но для тех же целей предназначенное сооружение. Крытое — типа сарая — строение, возведенное над водой, в его полу проделаны продольные отверстия, в которых и полощут белье. Того же типа сооружение я наблюдала на Мезени (село Ценогора, Лешуконский р-н, 2010).

⁵³ В деревне речную воду выше по течению даже называют живой, ею умываются по дороге с кладбища.

На странице 67

17 Специально организованное место для полоскания белья (Архангельская область). Фото С.Б. Адоньевой

Я думаю, что описанная практика дает богатый материал для применения различных стратегий толкования.

При ее рассмотрении мы, при желании, можем прийти к архаической семантике и увидеть магию бегущей воды (к чему мы обратимся в следующей статье).

Можем обнаружить форму соседских и семейных социальных статусов и иерархий⁵⁴.

Можем, и материал этого стоит, озадачиться историей практики полоскания, и на этом пути, скорее всего, мы выясним, что семейное полоскание белья — поздняя городская традиция, возможно — традиция горожан советского времени. В то время как досоветская история полоскания белья откроет многое как в отношении социальных институтов (прачки — в городе, распределение ролей и идентичность — в деревне), так и в отношении внутренней формы культурных метафор: «полоскать чужое белье».

Мы можем, и эта стратегия мне наиболее близка, увидеть в этом действии коммуникативный акт. План «истории» такого невербального высказывания обеспечивается названным выше архаическим сюжетом о чистоте, а план «речи», иначе — само совершение обыденного действия — обеспечивает самоидентификацию каждого из участников как «заботливого мужа», «любимой жены» или «полноправной большухи».

Обыденное действие служит коммуникативным механизмом, обладающим очень тонкой настройкой: случается отказ мужа участвовать в акции — и глубоко интимные отношения оказываются сообщенными всему сообществу. Продавец Маша «забыла» взять у тебя деньги на общую ступу — и ты уже изгой, ты не можешь быть на мостках вместе с другими хозяйками. Сам по себе акт полоскания белья в одиночку — акт признания своей доли, самоидентификационный акт:

Белье на речке полощу,
Два цветика своих рощу...

(М. Цветаева, 1918)

Установка на высказывание при совершении человеком обыденного, рутинного действия может отсутствовать, но оно немедленно становится сообщением, достаточно ввести в эту жанровую сценку на реке наблюдателя.

Элементы, составляющие практику полоскания белья, обеспечивают ее способность стать носителем смысла. Здесь все есть: природа и культура, мужчина и женщина, старшие и младшие, один и группа (я и ты, я и они), эрос ступы и песта, стихии воды и земли, оппозиция верха и низа, трансформация (преобразование нечистого в чистое), зрители и исполнители. Структурно-семантическая потенция действия делает его окказиональным пластическим языком, на котором строят свои высказывания как практикующие, так и наблюдающие. К последним могут быть отнесены художники и фотографы, избравшие полоскание белья своим излюбленным сюжетом, но их высказывания требуют иных контекстов для толкования.

Питирим Сорокин, описывая общую модель социального действия, выделял следующие компоненты: мыслящих, действующих и реагирующих людей — акторов; значения, ценности и нормы, благодаря которым индивиды действуют, осознавая их и обмениваясь ими; а также открытые действия и материальные артефакты как двигатели и проводники, с помощью которых объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы⁵⁵. В предложенном выше анализе мы двигались именно так: от действий и артефактов — описания практики полоскания белья и ее этнографических составляющих — к выяснению внутренних оснований, благодаря которым индивиды поддерживают ту или иную форму практики. На этом пути мы обнаружили, что описываемая практика в силу своей сложной организации служит подходящим «проводником» для объективизации ценностей и норм. Одна из ценностей, которую мы обнаружили, обсуждая эту практику, — ценность супружества как взаимного признания, которая артикулируется в российской провинции посредством совместного субботнего полоскания белья.

Совершая вполне обыденное действие, следуя норме данного сообщества или нарушая ее, человек создает и подтверждает свой статус и тем самым нечто вносит как в свою собственную реальность, так и в реальность сообщества. Общая социальная реальность, соотношение сил и достоинств постоянно подновляется, воссоздается или преобразуется малыми событиями повседневности.

⁵⁴ См.: Адоньева С.Б. Большаки и большухи // Адоньева С.Б. Дух народа и другие духи. СПб., 2009; Адоньева С., Олсон-Остерман Л. Материнство: интимные практики женской иерархии // «Уведи меня, дорога». Сборник статей памяти Татьяны Александровны Бернштам. СПб., 2010. С. 91–107.

⁵⁵ Сорокин. П. Человек: Цивилизация: Общество. М., 1992. С. 193.